

***Вне тематики номера
Outside of the theme rooms***

**ОТРАСЛЕВАЯ ПСИХОЛОГИЯ
SPECIAL (BRANCH) PSYCHOLOGY**

Методы диагностики экстремистских тенденций личности в зарубежных исследованиях

Эльзессер А.С.

*Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»),
г. Владивосток, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru*

Капустина Т.В.

*Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»),
г. Владивосток, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>, e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru*

Жданова Д.Е.

*Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»),
г. Владивосток, Российская Федерация
<https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>; e-mail: melissa2000@bk.ru*

Кадыров Р.В.

*Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»),
г. Владивосток, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>, e-mail: russl-kad@yandex.ru*

Угроза экстремистского поведения является одной из важных проблем современного мира. Теоретический аспект психологии экстремизма и его проявлений недостаточно разработан, что порождает методологические сложности в изучении и измерении экстремистских тенденций личности. Изложены результаты работы авторов по систематизации сведений о современных методах выявления тенденций к экстремизму и идентификации лиц, лояльных к экстремистской идеологии. Также проанализированы существующие критерии экстремизма как поведенческого, когнитивного и характерологического феномена. Проанализированы методы, применяемые для диагностики ассоциируемых с экстремизмом факторов, выявлена общая специфика. Авторы приводят методологическое обоснование каждой методики, описывают особенности их применения на практике, рассматривают психометрические параметры методик, выявляют преимущества и ограничения. Согласно выделенным критериям, разработан аналитический инструмент — сравнительная таблица анализируемых методик.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистские тенденции, радикализм, авторитарность, метод, опросник.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства Приморского края в рамках проекта № 11-06-00241 «Способ диагностики экстремистских тенденций личности в образовательных учреждениях Приморского края».

Для цитаты: Методы диагностики экстремистских тенденций личности в зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] / А.С. Эльзессер, Т.В. Капустина, Д.Е. Жданова, Р.В. Кадыров // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 1. С. 68—79. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110107>

Methods for diagnosing tendencies towards to extremism in foreign studies

Anastasiya S. Elzesser

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Tatyana V. Kapustina

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>, e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Darya E. Zhdanova

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>, e-mail: melissa2000@bk.ru

Ruslan V. Kadyrov

Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>, e-mail: rusl-kad@yandex.ru

The threat of extremist behavior is one of the important problems of the modern world. The theoretical aspect of the psychology of extremism and its manifestations has not been sufficiently developed, which gives rise to methodological difficulties in the study and measurement of extremist personality tendencies. The article presents the results of the authors' work on the systematization of information about modern methods of revealing a propensity to extremism and identifying persons loyal to extremist ideology. The existing criteria of extremism as a behavioral, cognitive and characterological phenomenon are also analyzed. The methods used to diagnose the factors associated with extremism are analyzed, and the general specificity is revealed. The authors provide a methodological rationale for each technique, describe the features of their application in practice, consider the psychometric parameters of the techniques, identify the advantages and limitations. An analytical tool has been developed — a comparative table of the analyzed methods according to the selected criteria.

Keywords: extremism, tendencies towards to extremism, radicalism, authoritarianism, method, questionnaire.

Funding. The reported study was funded by the Government of Primorsky Krai, project number 11-06-00241 «Method for diagnosing extremist tendencies of the person in educational institutions of the Primorsky Krai».

For citation: Elzesser A.S., Kapustina T.V., Zhdanova D.E., Kadyrov R.V. Methods for diagnosing tendencies towards to extremism in foreign studies. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 1, pp. 68—79. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110107> (In Russ.).

Введение

Экстремизм и связанные с ним проявления нетерпимости — угроза международной и внутригосударственной безопасности, характерная для XXI века. Впечатлительная и внушаемая аудитория воспринимает экстремистские идеи наиболее благодатно. Так, в группу риска попадают лица, переживающие кризис мировоззрения, для преодоления которого необходима выработка новых ценностных ориентиров. В этом случае психологически комфортным выходом может стать усвоение экстремистской идеологии и самоидентификация с сильной группой [7]. Экстремизм объединяет множество идеологических течений, имеющих целью дискриминацию, отделение или уничтожение других лиц по признаку расы, национальности, религии, пола. Так, среди подростков сегодня распространена субкультура неонацистов, признанная экстремистской идеология арестантского уголовного единства («АУЕ»).

Другим примером могут служить признанная экстремистской организация «Мужское государство» и противостоящие ей интернет-сообщества радикальных феминисток; в обоих случаях ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием.

Фактически у любого гражданина, имеющего доступ к Интернету, есть возможность столкнуться с экстремистской идеологией, что означает потенциальную легкость привлечения целевой аудитории для той или иной экстремистской структуры. При этом сохранение анонимности, ослабление социального контроля и чувство безнаказанности пользователя будут способствовать усвоению антиобщественных установок. В данном контексте проблема выявления лиц, подверженных экстремистской пропаганде, требует подробного изучения.

Клинические исследования экстремизма и терроризма являются относительно молодой и недифференцированной областью, включающей как маломас-

штабные количественные исследования, которым не хватает глубокого клинического анализа, так и качественные исследования отдельных случаев (кейсов) без достаточно масштабной и научно-доказательной эмпирической и концептуальной базы [2].

В диагностике экстремистских тенденций личности существует ряд сложностей.

Во-первых, при отсутствии доказательств совершения противоправных действий затруднительно достоверно определить степень исходящей от личности потенциальной угрозы.

Во-вторых, формально не стандартизированы паттерны поведения для выявления так называемой когнитивной радикализации, приводящей к насильственным действиям.

В-третьих, попытки оценить риски с помощью экспертов отягощены субъективными интерпретациями кейсов со стороны последних. Так, специалисты по безопасности во многом обосновывают свои оценки риска собственными «внутренними ощущениями» или интуицией [28].

Следует отметить, что исследование данного феномена осложняется тем, что носители идеологии — экстремисты и террористы — представляют собой группу, неоднородную по составу и мотивам. В настоящее время на основе изучения разных экстремистских групп накоплен внушительный эмпирический материал, однако выявленные признаки, объединяющие экстремистов, можно назвать неспецифическими. Так, психологическая готовность оправдывать насилие, нарушение правил связывается исследователями с условиями жизни: длительным пребыванием в вооруженных конфликтах, подверженности репрессиям, — то есть, гетерогенную группу вовлеченных в экстремизм лиц объединяет социальное положение и соответствующие настроения [17]. Другими неспецифическими признаками экстремиста названы психологическая уязвимость [9], негативизм [25] и готовность личности к насильственным радикальным актам [20].

Столь же косвенным подтверждением гетерогенности личностных свойств экстремистов является внушительное разнообразие движущих мотивов насильственных актов, совершаемых смертниками, поддающееся только самым поверхностным обобщениям, но и позволяющее выделить мотивы социальных обязательств, идеологические и личные мотивы [3].

Однако проблемы диагностики экстремистских тенденций распространяются и на область методологии. В настоящее время определение экстремизма в зарубежной психологии отличается высокой степенью неопределенности и дискуссионности [26]. Так, в части работ объектом исследования является «насильственный экстремизм», определение которого, как правило, не дается в явном виде, но описывается как «участие в социальных движениях, бунтах и достижение индивидуальных целей при помощи насилия» [27]. Более того, термин «экстремизм» может использоваться как синоним терроризма и радикализации [9].

Психологические теории экстремизма представляют собой крайне редкое явление. Однако А.В. Круглански и соавторы ставят перед собой задачу построения такой теории и определяют экстремизм как мотивированное отклонение от общих поведенческих норм, являющееся результатом перехода от умеренности (сбалансированного удовлетворения основных человеческих потребностей) к мотивационному дисбалансу, при котором данная потребность доминирует над другими [27].

В последнее десятилетие внимание исследователей привлекает взаимодействие между психологическими факторами и экстремизмом [9]. Как правило, в качестве объекта исследования выступает экстремизм (или насильственный экстремизм), тогда как предметом исследования оказываются факторы экстремизма, составляющие те или иные психологические категории: психологическая уязвимость [9], относительная депривация [14], иррациональные убеждения, черты личности [12] и другие. В целом, при изучении факторов экстремизма рассматривают психологические [9; 20; 25], социальные и политические факторы [17; 25], а также их сочетания [9].

В некоторых работах предметом исследования выступает радикализация. В определении радикализации также существуют разночтения. Так, Р. Борум подчеркивает, что экстремизм не всегда влечет за собой насильственные действия, поэтому делает акцент на его когнитивном компоненте: радикализация — это «... процесс развития экстремистских идеологий и убеждений» [6, с. 2]. В то же время, осуществляя концептуализацию данного понятия в терминах рационально-эмотивно-поведенческой терапии (РЭПТ), С. Трип определяет радикализацию как «процесс развития экстремистских убеждений, эмоций и поведения» [20]. Как видим, в данном случае рассматриваются когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты явления, что позволяет наметить направления профилактики или, при необходимости, психологической коррекции в русле РЭПТ.

С позиций социальной психологии Л. Смит и соавторы определяют радикализацию как «... процесс групповой социализации, посредством которого люди развивают отождествление с набором норм», уточняя, что данные нормы могут быть насильственными или ненасильственными». Специфику радикализации опосредуют «... определенные социальные взаимодействия, усиливающие общие представления и опыты» [23].

Как видим, исследования экстремизма через радикализацию сталкиваются с разночтениями, обусловленными разнонаправленностью психологических подходов. При этом использование термина «радикализация» позволяет сделать акцент на том, что исследуется психологический механизм, за счет которого личность постепенно приходит к одобрению насильственных действий или участию в них.

В целом, устоявшегося определения понятия «экстремизм» нет, при этом методологию будет определять

сфера применения результатов исследования. По мнению авторов настоящей статьи, высокую практическую значимость имеет профилактическое направление: выявление групп риска, которые с высокой вероятностью могут быть вовлечены в ту или иную экстремистскую идеологию. Определение психологических факторов, связанных с экстремизмом, позволит составить программы для оказания психологической помощи. Поскольку авторы планируют диагностировать экстремистские тенденции в первую очередь у старших школьников, то в определении экстремизма следуют за А.Н. Харпиквен, изучающей подростковый и юношеский экстремизм. Таким образом, в настоящем исследовании авторы будут опираться на нижеследующие определения. **Экстремизм** — результат, к которому привели определенные факторы, связанные с психологической уязвимостью личности [9]. Для личности, не вовлеченной в экстремизм, но находящейся в группе риска, по нашему мнению, уместно использовать термин «экстремистские тенденции». **Экстремистские тенденции личности** — это мера выраженности психологических факторов экстремизма, которые включают: одиночество; признаки депрессивности; декларирование превосходства; дегуманизацию окружающих; привлекательность темы насилия; антиобщественные настроения. Задача диагностики экстремистских тенденций требует рассмотреть уже существующие методики, которые отвечают определенным нами критериям и применяются в исследованиях экстремизма или радикализации. Разработано множество психодиагностических инструментов для выявления лиц, подверженных риску участия в террористических и экстремистских актах насилия [22]. Данные инструменты различаются по количеству и типу тестируемых потенциальных факторов риска.

Цель исследования, результаты которого обсуждаются в этой статье, — проанализировать имеющиеся в зарубежных источниках психологические методы измерения экстремистских тенденций, дать описание этим методам, определить и сформулировать их преимущества и ограничения, выделить базовые критерии определения экстремистских тенденций.

Анализ методов диагностики экстремистских тенденций

Анкетирование и интервьюирование распространены в наибольшей степени. Структура данных методов меняется в зависимости от специфики организации, проводящей тестирование, и от возрастных, этнокультурных, иных особенностей респондентов [11].

Основные недостатки анкеты — сложность проверки информации на достоверность, легкость обмана со стороны исследуемого. Так, при анкетировании респонденту не составляет труда догадаться, как следует отвечать, чтобы не вызвать подозрений.

Как показывает практика, **Анкеты** подходят для использования в анонимных исследованиях, имеющих

целью оценку распространенности в определенной группе экстремистских идей, но малоэффективны при индивидуальном применении. Возможность широко варьировать вопросы и круг затрагиваемых тем позволяют учитывать данный метод как полностью отвечающий критериям экстремистских тенденций.

Интервьюирование (в том числе, с элементами допроса) более совершенно с точки зрения оценки правдивости информации, получаемой от респондента: у интервьюера есть возможность проверить респондента на ложь, варьируя список вопросов, повторяя вопросы, обращая внимание на вегетативные и моторные реакции сильного волнения, беспокойства. Однако проводимые интервью подвержены известным недостаткам, привносимым субъективностью исследователя: восприятие ответов респондентов как абсолютно правдивых, упущение важных теоретических выводов, нивелирование значимости одних данных и преувеличение других [13]. Метод позволяет получить богатый эмпирический материал при работе с рядовыми гражданами [10] и имеет свою специфику при работе с лицами, осужденными за преступления экстремистской направленности [13].

Таким образом, интервью имеет преимущества перед анкетированием, когда проводится очно, и респондент заранее не знает список вопросов, однако данный метод предъявляет высокие требования к исследователю, которому необходимо критически относиться к ответам респондента и научной строгости анализа данных.

Не менее популярным в зарубежной психологии для диагностики психологических характеристик, связанных с экстремизмом, является метод тестирования в разных его проявлениях. Обратимся к анализу конкретных методик.

Шкала правого авторитаризма The Right-Wing Authoritarianism Scale (RWA Scale)

Опросник «Шкала правого авторитаризма» Б. Альтемейер (Канада, 2006) достаточно часто применяется в психологической практике и представляет собой измерение трех взаимосвязанных черт авторитаризма: 1) конвенционализма — степени приверженности индивида традициям и социальным нормам, установленным властями или принятыми в обществе; 2) авторитарной агрессии — склонности индивида к агрессивности против всех, кто неугоден власти; 3) авторитарного подчинения — склонности индивида подчиняться легитимной власти [21]. Опросник соответствует следующим критериям экстремистских тенденций: декларирование превосходства, дегуманизация окружающих. При заполнении опросника респонденты отвечают на ряд утверждений по девятибалльной шкале в диапазоне от категорического несогласия (-4) до категорического согласия (+4). Шкала обладает высокой ретестовой надежностью и надежностью

согласованностью, а также конструктивной валидностью. Подтверждены положительные корреляции между правым авторитаризмом и ригидностью у мужчин, групповым доминированием, поддержкой иерархических социальных структур, догматизмом, нетерпимостью к двусмысленности и отсутствием открытости к опыту [21]. По другим данным, правый авторитаризм личности коррелирует с доверием к правым лидерам, склонностью оправдывать злоупотребления и нелегальные действия власти; при этом были получены высокие показатели корреляционных связей, которые варьируются в пределах 0,7—0,85, что подтверждает внутреннюю валидность методики [1].

Таким образом, опросник «Шкала правого авторитаризма» предназначен в первую очередь для выявления тенденций к политическому экстремизму у личности, стремления к доминированию и социальному превосходству, что ограничивает сферу его применения (например, в выявлении склонности к религиозному экстремизму).

Шкала намерений активизма и радикализма Activism-Radicalism Intentions Scale (ARIS)

Разработанная С. Москаленко и К. МакКоли (США, 2009) шкала намерений активизма и радикализма (ARIS) измеряет готовность идти на жертвы ради группы или дела, что позволяет изучать процесс перехода от политических установок и убеждений к политическим действиям, включая политическое насилие и терроризм [16]. Данная шкала соответствует следующим критериям экстремистских тенденций: привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения.

Шкала намерений активизма оценивает готовность участвовать в легальных и ненасильственных политических акциях, шкала намерений радикализма оценивает готовность участвовать в незаконных или насильственных политических акциях. В методике представлено 4 вопроса для диагностики активизма и 6 вопросов — для радикализма. Каждый вопрос оценивается по шкале Лайкерта от 1 до 7, где 1 — совсем не важно, а 7 — чрезвычайно важно. Отмечается, что придание значимости групповым жалобам усиливает индивидуальное намерение участвовать в будущем активистском поведении, при этом ни одна из демографических переменных, включая возраст, пол, уровень образования и расу, не связана с показателями активности или радикализма [15].

По результатам измерения психометрических параметров методики и выраженности активизма и радикализма в условиях тюремного заключения, шкала обладает хорошей ретестовой надежностью, конструктивной и критериальной валидностью [5]. Выборка для проверки психометрических свойств была представлена количеством около 700 человек разного пола, возраста и расы. Важно подчеркнуть, что основная группа

исследуемых (заключенные) сама по себе уже является критерием для подтверждения критериальной валидности, поскольку они участвовали в нарушении закона, а группа сравнения была представлена студентами. Показатели корреляционных связей, подтверждающих конструктивную валидность методики, являются достаточно высокими и варьируются в пределах 0,59—0,91. Согласно проведенному нами анализу недостатком данной методики можно считать узкую политическую направленность, предполагающую, прежде всего, оценку политических намерений респондентов и не уделяющей должного внимания иным проявлениям нетерпимости. Другим недостатком являются достаточно прозрачные и очевидные вопросы, которые могут исказить реальную картину выраженности активизма и радикализма.

Рекомендации по рискам экстремизма Extremism Risk Guidelines (ERG22+)

Национальная Служба по борьбе с правонарушителями Великобритании в 2011 г. создала методику Extremism Risk Guidelines (ERG22+), предназначенную для использования с людьми, осужденными за любое экстремистское или связанное с экстремизмом преступление [18]. ERG22+ отвечает следующим критериям экстремистских тенденций: привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения.

Методика состоит из 22 факторов, сгруппированных по трем сферам: 1) Engagement / Вовлеченность (участие) — факторы, указывающие на вовлеченность человека в идеологию и усиление заинтересованности в принадлежности к экстремистской группе («потребность в исправлении несправедливости», «потребность доминировать над другими», «восприимчивость к идеологической проработке» и др., всего 13 факторов); 2) Intent / Намерение — факторы, характеризующие готовность человека использовать насилие или незаконные средства для достижения экстремистских целей («дегуманизация врага», «опасные методы для достижения цели», «взгляды, оправдывающие правонарушения», и др., всего 6 факторов); 3) Capability / Способность (возможность) — факторы, определяющие способность человека причинить вред другим от имени группы (3 фактора: «личные знания, навыки, компетенции», «доступ к сетям (связям), финансированию, оборудованию», «криминальная история»). Каждый фактор оценивается и регистрируется как «сильно присутствующий», «частично присутствующий» и «не присутствующий» [19].

Таким образом, ERG22+ анализирует личные, ситуационные факторы и обстоятельства, способствующие вовлечению индивида в экстремистскую группу, идеологию и его способность к правонарушениям. Недостатком ERG22+ является обязательное наличие у респондента судимости, что ограничивает круг применения методики: нет возможности определить тенден-

ции к экстремизму, выявляя группы риска. Кроме того, применение метода возможно только квалифицированным экспертом в области судебной деятельности.

В настоящее время ERG22+ совершенствуется, 22 фактора прорабатываются и подробно изучаются экспертами, улучшающими содержательную валидность методики. Также ряд исследований выявил уровень показателей надежности и конструктивной валидности от среднего до высокого, но не для всех факторов. Вероятно, в дальнейшем ERG22+ расширит свои возможности, а выделенные 22 фактора могут стать основой для разработки опросника [18; 19]. ERG 22+ является перспективным инструментом формулирования рисков и потребностей для экстремистских преступников, который может быть адаптирован под специфику исследуемого контингента.

Руководство для выявления лиц, уязвимых к насильственному экстремизму Identifying Vulnerable People (IVP) Guidance

Еще одним вариантом оценки экстремистских тенденций по разработанному руководству является Identifying Vulnerable People (IVP) Guidance (Руководство для выявления лиц, уязвимых к насильственному экстремизму), состоящее из 16 критериев (Великобритания, 2009). Данные критерии соответствуют сформулированным авторами признакам экстремистских тенденций, за исключением признака «признаки депрессивности», который является специфичным для выборки молодежи, не вовлеченной в экстремизм.

Критерии основаны на анализе материалов из открытых источников о британских мусульманах, задействованных в террористических преступлениях. Данное руководство было разработано с целью профилактики экстремизма и выявляет тенденции к уязвимости, внушаемости и возможности вступления в экстремистские организации. Основная цель такой диагностики — профилактика, чтобы эти люди смогли получить поддержку и помощь при проблемах во взаимодействии с семьей, сверстниками, религиозными организациями. По мнению авторов документа, наличие даже одного признака/критерия (фактора риска) уже служит поводом для профилактической работы.

16 критериев разделены в зависимости от выраженности уязвимости личности к насильственному экстремизму. Так, «красными» критериями, указывающими на необходимость особого внимания, являются: тема смерти в речи, членство в экстремистской группе, контакты с известными вербовщиками/экстремистами, продвинутый уровень военизированной подготовки, участие в боевых действиях за рубежом. Примеры других критериев — культурная и/или религиозная изоляция, изоляция от семьи, рискованное поведение, внезапное изменение религии, агрессивная (жесткая) речь, отрицательное влияние сверстников, изолированная группа сверстников, риторика ненависти,

политическая активность, базовая военизированная подготовка, поездка/проживание за границей.

Исследование на выборке лиц, совершивших противоправные действия экстремистского характера, показало невысокий уровень прогностической валидности [4]. Так, на основе анализа литературы по экстремизму авторами Руководства были выделены критерии IVP, после чего они были сопоставлены с данными выборки из 89 человек, о которых было достоверно известно, что они участвовали или совершали акты насильственного экстремизма. Был сделан вывод, что критерии не прошли валидизацию в качестве психометрической меры риска насильственного экстремизма. Однако исследователи располагали только информацией об испытуемых, которая была доступна в сети Интернет, что могло сказаться на результатах.

В настоящее время применение метода требует строгого контроля соответствующими структурами, поскольку возможны неэтичные и некорректные действия, например, соотнесение респондента с террористом и применение к нему карательных мер. С другой стороны, В. Иган и соавторы считают IVP единственным идеологически нейтральным инструментом для выявления подобной уязвимости, доступным для общественности. Как полагают исследователи, если цель применения IVP — превентивные меры, он может применяться как специалистами, так и школьными учителями, медицинскими работниками, полицейскими [4].

Шкала «Воинствующее экстремистское мировоззрение» Militant Extremist Mindset (MEM) Scale

Методика Militant Extremist Mindset (MEM) Scale разработана группой авторов для диагностики радикального экстремистского мировоззрения (Австралия, 2010). Данный опросник отвечает таким критериям экстремистских тенденций, как декларирование превосходства, дегуманизация окружающих, привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения [24].

Опросник прошел тщательную процедуру разработки, первичная версия методики имела 56 айтемов, построенных на основе 20 тем, отобранных из первичного (труды различных экстремистских и террористических групп) и вторичного (психологические, исторические и литературные описания поведения экстремистов) материалов. Примеры таких тем — «пуританство», «готовность к самопожертвованию», «вера в жизнь и вознаграждение после смерти», «нетерпимость к разным взглядам», «цинизм по отношению к традиционной этике» и т. д. Впоследствии данные темы были объединены в 3 основных фактора: Nastiness/Озлобленность (утверждения связаны с насилием, войной, вооруженной борьбой, террором и убийством), Grudge / Недовольство (айтемы отражают общую неудовлетворенность условиями в современном мире, «мир гнусен и несчастен», «мир движется к разрушению») и Excuse /

Оправдание (утверждения, направленные на оправдания жестоких поступков, снисходительное к ним отношение, «божественная сила»). В дальнейшем 56 утверждений, пройдя тщательный факторный анализ, преобразовались в 24 айтема. Полученные результаты свидетельствуют о хорошем уровне содержательной валидности, над которой работали не только группа разработчиков методики, но и представители исследователей экстремистских тенденций в других странах (США, Сербия, Норвегия) [8]. Объем выборки для проверки психометрических данных опросника составил более 2000 человек из разных стран, что позволило изучить подробно не только конструктивную, но и критериальную валидность (сопоставить данные не только с такими критериями, как пол, возраст, но и национальность, религия, политическая обстановка в разных странах). Разработчиками приводятся умеренные показатели конвергентной валидности, в рамках определения которой изучались социальные установки, социальные нормы и социальные ценности респондентов и их корреляции со шкалами MEM. В дальнейшем методика вновь подтвердила свою конструктивную валидность в ходе исследования, проведенного на выборке более 500 человек. Показатели по шкалам MEM были сопоставлены с методиками, измеряющими экстремистские тенденции и особенности личности в целом (Ten Item Personality Inventory, являющейся одной из версий Большой Пятерки (Big Five), Self-Monitoring Scale, Personality Disorders Questionnaire, Self-Evaluations) [8].

Одним из явных достоинств MEM Scale является ее разнонаправленность: она затрагивает сразу несколько видов экстремизма, расширяя область ее применения.

И все же недооценка культурного аспекта приводит к тому, что респонденты, проживающие в странах, где влияние религии на общество крайне велико, наберут высокий балл по фактору «божественной силы» (Excuse). Также следует отметить, что утверждения в опроснике являются достаточно прямыми, что может исказить реальную картину мнений респондентов о мыслях и действиях экстремального характера. В целом, данная методика является хорошим и тщательно проработанным психодиагностическим инструментом, способным выявить лиц разного возраста с экстремистским мышлением и поведением.

Заключение

Данный обзор был направлен на систематизацию имеющихся в зарубежной практике методов выявления экстремистских тенденций, лояльности и готовности к экстремизму. Полученные на основании проведенного теоретического анализа данные обобщены в виде сводной таблицы (табл. 1). Основными критериями ее формирования выступили: *предмет исследования* (что конкретно измеряет методика и каким образом, вообще и в контексте экстремистских тенденций); *форма вопросов* (как выглядит методика, какие в ней заложены виды вопросов по форме, относится ли вообще методика к опросным методам); *информация о психометрических параметрах методики* (какие виды надежности и валидности определены и насколько полно и корректно); *ограничения психодиагностического инструмента* (недостатки методики при использовании ее на практике).

Таблица 1

Анализ зарубежных методик для диагностики экстремистских тенденций

Методика	Описание методики: предмет исследования, количество утверждений, система оценки	Форма вопросов / утверждений	Психометрические параметры	Ограничения методики
RWA-Scale	<i>Предмет:</i> авторитаризм в трех чертах: конвенционализм, авторитарная агрессия, авторитарное подчинение в рамках политического экстремизма. <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> декларирование превосходства, дегуманизация окружающих. <i>Количество утверждений:</i> long form — 30, short form — 22. <i>Система оценки:</i> Оценивается исследуемыми по шкале Лайкерта от -4 до +4	Прямые и косвенные утверждения, не всегда понятно в утверждениях, чего именно хочет знать исследователь, с каким конструктом соотносится то или иное утверждение	Высокие показатели надежности, содержательной и конструктивной валидности; низкий уровень конкурентной валидности	Вероятна социальная желательность при ответах на вопросы, узконаправленность измерения экстремистских тенденций; экстремизм = авторитаризм
ARIS	<i>Предмет:</i> активизм и радикализм (готовность жертвовать ради группы или дела, готовность участвовать в незаконных или насильственных политических акциях); <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. <i>Количество утверждений:</i> 10. <i>Система оценки:</i> оценивается исследуемыми по шкале Лайкерта от 1 до 7	Вопросы очень прямые, конструкт методики прозрачен и очевиден	Хорошие показатели надежности, конструктивной и критериальной валидности	Возможна неискренность даваемых ответов, ввиду прямых форм вопросов, узконаправленность измерения экстремистских тенденций, выраженная политическая направленность, оценка политических намерений

Методика	Описание методики: предмет исследования, количество утверждений, система оценки	Форма вопросов / утверждений	Психометрические параметры	Ограничения методики
ERG22+	<i>Предмет:</i> экстремизм и его проявления в вовлеченности намерениях и способности к противоправным действиям. <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. <i>Количество критериев:</i> 22. <i>Система оценки:</i> оценивается квалифицированными экспертами по наличию или отсутствию критерия: «сильно присутствующие», «частично присутствующие» и «не присутствующие»	Отсутствие вопросов и утверждений, наличие критериев в оценке поведения	Высокие показатели надежности—согласованности, средние показатели конструктивной и содержательной валидности, но не по всем факторам. Методика находится в процессе валидации	Не выявляет тенденции к экстремизму, направлена на диагностику людей, уже совершивших экстремистское правонарушение
IVP	<i>Предмет:</i> уязвимость к насильственному экстремизму, тенденции к экстремизму. <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> одиночество, декларирование превосходства, дегуманизация окружающих, привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. <i>Количество критериев:</i> 16. <i>Система оценки:</i> по наличию или отсутствию критерия, оценивается специалистами	Отсутствие вопросов и утверждений, наличие критериев в оценке поведения	Невысокие показатели психометрических свойств, ввиду недостатка информации о личности испытуемых, осужденных за противоправные действия экстремистского характера, что осложняет их проверку	Размытые данные о психометрических параметрах
MEMS	<i>Предмет:</i> экстремистское мировоззрение. <i>Исследуемые критерии экстремистских тенденций:</i> декларирование превосходства, дегуманизация окружающих, привлекательность темы насилия, антиобщественные настроения. <i>Количество утверждений:</i> 24. <i>Система оценки:</i> шкала Лайкерта от 1 до 5	Прямые утверждения, но соотносятся не с исследуемым, а с его мнением относительно чего-то или кого-то	Методика прошла тщательную процедуру разработки, хорошие показатели содержательной, критериальной и конструктивной валидности	Отсутствие шкалы лжи

Разумеется, представленный нами перечень методик не является исчерпывающим для современной зарубежной психодиагностики экстремистских тенденций. Существуют методы, посвященные оценке факторов риска предрасположенности к терроризму (Horgan's predisposing risk factors for involvement in terrorism, VERA-2), опросники со шкалами, направленными на конкретную группу респондентов и выявляющими отдельные проявления экстремизма (Intra-Textual Fundamentalism scale — ITFS, разработана Вильямсом и Ахмадом; Islamic fundamentalism scale — IFS, разработана Putra, Sucabdi), и протоколы, используемые в судебной практике для допросов подозреваемых и обвиняемых в экстремизме лиц. Тем не менее, вышеперечисленные методики определяют не все критерии экстремистских тенденций, что не позволяет правильно делать диагностические выводы.

На основании проведенного теоретического анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, авторами настоящей статьи были разведены и тщательно проанализированы понятия экстремизма и радикализации личности, что показало их размытость и отсутствие полного понимания личного профиля экстремиста, что ставит под сомнение возможность его диагностики. Поэтому мы предлагаем определение экстремистских тенденций, которое, в отличие от понятия экстремизма, имеет критериальную основу, увеличивающую потенциальность их измерения.

Во-вторых, основной проблемой проанализированных методик является наличие прямых по форме вопросов, это искажает получаемую с их помощью информацию об исследуемых. Прямой вопрос является малоэффективным средством, поскольку его прямота, прозрачность и очевидность позволяют респондентам (в том числе лицам, симпатизирующим экстремистам) избегать честных ответов, не раскрывая свои мысли, чувства и действия, что снижает диагностические возможности таких способов оценки.

В-третьих, составлена таблица, в которой представлен сравнительный критериальный анализ методик. Как показало сравнение, в данных методиках предмет измерения представлен не всеми критериями экстремистских тенденций личности, только Identifying Vulnerable People (IVP) Guidance диагностирует большее количество критериев. Однако данная методика является руководством для специалистов и имеет очень размытую информацию о психометрических свойствах. Такой способ оценки является перспективным для осуществления превентивных мер экстремизма; но представленные в руководстве критерии оценивания поверхностны, при этом специалист (или школьный учитель, преподаватель, медицинский работник, полицейский) не всегда может располагать всей информацией об исследуемом. Таким образом, полученные результаты указывают на острую необходимость разработки интегративной методики психологической диагностики экстремистских тенденций личности.

Литература

1. *Бызов А.А.* Шкала правого авторитаризма личности: оценка психометрических свойств на примере студенческой выборки [Электронный ресурс] // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. № 45. С. 72—102. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/5919> (дата обращения: 17.02.2022).
2. *Al-Attar Z.* Extremism, radicalisation & mental health [Электронный ресурс]: Handbook for Practitioners. RAN Mental Health Working Group, 2019. 43 p. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/ran-hsc-handbook-extremism-radicalisation-mental-health-handbook-practitioners-november-2019_en (дата обращения: 12.07.2021).
3. *Bélanger J.J.* The Rise and Fall of Violent Extremism: The Science behind Community-based Interventions // The Motivation-Cognition Interface / Eds. C.E. Kopetz, A. Fishbach. New York: Routledge, 2017. P. 152—177. DOI:10.4324/9781315171388-8
4. Can you identify violent extremists using a screening checklist and open-source intelligence alone? / V. Egan, J. Cole, B. Cole, L. Alison, E. Alison, S. Waring, S. Elntib // Journal of Threat Assessment and Management. 2016. № 3 (1). P. 21—36. DOI:10.1037/tam0000058
5. *Decker S.H., Pyrooz D.C.* Activism and Radicalism in Prison: Measurement and Correlates from a Large Sample of Inmates in Texas // Justice Quarterly. 2019. Vol. 36. № 5. P. 787—815. DOI:10.1080/07418825.2018.1462396
6. Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror — the German Contribution in a Context / D. Pisou, A. Zick, F. Srowig, V. Roth, K. Seewald // International Journal of Conflict and Violence. 2020. Vol. 14. № 2. P. 1—12. DOI:10.4119/ijcv-3803
7. *Ferguson N., McCauley J.W.* Dedicated to the cause: Identity development and violent extremism // European Psychologist. 2021. № 26(1). P. 6—14. DOI:10.1027/1016-9040/a000414
8. *Furnham A., Horne G., Grover S.* Correlates of the Militant Extremist Mindset // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. Article ID 2250. 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.02250
9. *Harpviken A.N.* Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review // Adolescent Research Review. 2020. № 5. P. 1—26. DOI:10.1007/s40894-019-00108-y
10. *Haugstvedt H.* Research Note: ‘How Can I Get Them Offstage?’ — Critical Reflections on a Researcher’s Approach to Qualitative Data Collection with Social Workers Involved in Preventing Violent Extremism in Norway [Электронный ресурс] // Journal for Deradicalization. 2020. № 23. P. 214—234. URL: <https://uis.brage.unit.no/uis-xmlui/handle/11250/2729301> (дата обращения: 17.02.2022).
11. Identifying Groups Vulnerable to Violent Extremism and Reducing Risks of Radicalisation [Электронный ресурс] / J. Stickings, M. Abaida, M. Nikolaishvili, S. Bakrania, A. Fisher. London: Department for International Development, 2019. 56 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5d7f5b7c40f0b61c7cd6ffe9/VE_REA_Identifying_and_intervening_with_at_risk_groups_Sept_2019_FINAL_with_Annex.pdf (дата обращения: 18.02.2022).
12. Irrational Beliefs and Personality Traits as Psychological Mechanisms Underlying the Adolescents’ Extremist Mind-Set / S. Trip, M.I. Marian, A. Halmajan, M.I. Drugas, C.H. Bora, G. Roseanu // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Article ID 1184. 12 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01184
13. *Khalil J.* A Guide to Interviewing Terrorists and Violent Extremists // Studies in Conflict & Terrorism. 2019. Vol. 42. № 4. P. 429—443. DOI:10.1080/1057610X.2017.1385182
14. *Kunst J.R., Obaidi M.* Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 35. P. 55—59. DOI:10.1016/j.copsy.2020.03.010
15. *McCauley C.* Predictors of Activism and Radicalism: past activism, past radicalism and grievance against the government [Электронный ресурс]. Charlottesville: Center for Open Science, 2015. 429 p. URL: <https://archive.org/details/osf-registrations-xnh73-v1> (дата обращения: 18.02.2022).
16. *Moskalenko S., McCauley C.* Measuring Political Mobilization: The Distinction Between Activism and Radicalism // Terrorism and Political Violence. 2009. Vol. 21. № 2. P. 239—260. DOI:10.1080/09546550902765508
17. *Nivette A., Eisner M., Ribeaud D.* Developmental Predictors of Violent Extremist Attitudes: A Test of General Strain Theory // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2017. Vol. 54. № 6. P. 755—790. DOI:10.1177/0022427817699035
18. *Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D.* An Examination of the Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): A Structured Formulation Tool for Extremist Offenders // Terrorism and Political Violence. 2019. Vol. 33. № 6. P. 1141—1159. DOI:10.1080/09546553.2019.1598392
19. *Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D.* The Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): a structured formulation tool for extremist offenders [Электронный ресурс] / Ministry of Justice. 2019. 17 p. (Ministry of Justice Analytical Series). // GOV.UK. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/816507/the-structural-properties-of-the-extremism-risk-guidelines-ERG22.pdf (дата обращения: 18.02.2022).
20. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization / S. Trip, C.H. Bora, M. Marian, A. Halmajan, M.I. Drugas // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. Article ID 437. 8 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00437

21. Saunders B., Ngo J. The Right-Wing Authoritarianism Scale // Encyclopedia of Personality and Individual Differences / Eds. V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. Berlin: Springer International Publishing, 2017. P. 1—4. DOI:10.1007/978-3-319-28099-8_1262-1
22. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments // Plos One. 2016. Vol. 11. № 12. Article ID e0166947. 19 p. DOI:10.1371/journal.pone.0166947
23. Smith L.G.E., Blackwood L., Thomas E.F. The Need to Refocus on the Group as the Site of Radicalization // Perspectives on Psychological Science. 2019. Vol. 15. № 2. P. 327—352. DOI:10.1177/1745691619885870
24. Stankov L., Saucier G., Knezevic G. Militant Extremist MindSet: Proviolence, Vile World, and Divine Power // Psychological assessment. 2010. Vol. 22. № 1. P. 70—86. DOI:10.1037/a0016925
25. The biological roots of political extremism: Negativity bias, political ideology, and preferences for political news / J.R. Keene, H. Shoenberger, C.K. Berke, P.D. Bolls // Politics and the Life Sciences. 2017. Vol. 36. № 2. P. 37—48. DOI:10.1017/pls.2017.16
26. The Three Ps of Radicalization: Push, Pull and Personal. A Systematic Scoping Review of the Scientific Evidence about Radicalization Into Violent Extremism / M. Vergani, M. Iqbal, E. Ilbahar, G. Barton // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. Vol. 43. № 10. P. 1—10. DOI:10.1080/1057610X.2018.1505686
27. To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance [Электронный ресурс] / A.W. Kruglanski, K. Jasko, M. Chernikova, M. Dugas, D. Webber // American Psychologist. 2017. Vol. 72. № 3. P. 217—230. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315175867-9/fringe-back-arie-kruglanski-katarzyna-jasko-marina-chernikova-michelle-dugas-david-webber> (дата обращения: 18.02.2022).
28. Van de Weert A., Eijkman Q.A.M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2019. Vol. 11. № 3. P. 191—214. DOI:10.1080/19434472.2018.1457069

References

1. Byzov A.A. Shkala pravogo avtoritarizma lichnosti: otsenka psikhometricheskikh svoistv na primere studencheskoi vyborki [Elektronnyi resurs] [Right-wing authoritarianism: the estimation of the scale's psychometric qualities on a college student sample]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie = Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*, 2017, no. 45, pp. 72—102. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/soc4m/article/view/5919> (Accessed 17.02.2022). (In Russ.).
2. Al-Attar Z. Extremism, radicalisation & mental health [Elektronnyi resurs]: *Handbook for Practitioners*. RAN Mental Health Working Group, 2019. 43 p. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/networks/radicalisation_awareness_network/ran-hsc-handbook-extremism-radicalisation-mental-health-handbook-practitioners-november-2019_en (Accessed 12.07.2021).
3. Bélanger J.J. The Rise and Fall of Violent Extremism: The Science behind Community-based Interventions [Elektronnyi resurs]. In Kopetz C.E., Fishbach A. (eds), *The Motivation-Cognition Interface*. C.E. New York: Routledge, 2017, pp. 152—177. DOI:10.4324/9781315171388-8
4. Egan V., Cole J., Cole B., Alison L., Alison E., Waring S., Elntib S. Can you identify violent extremists using a screening checklist and open-source intelligence alone? *Journal of Threat Assessment and Management*, 2016, no. 3 (1), pp. 21—36. DOI:10.1037/tam0000058
5. Decker S.H., Pyrooz D.C. Activism and Radicalism in Prison: Measurement and Correlates from a Large Sample of Inmates in Texas. *Justice Quarterly*, 2019. Vol. 36, no. 5, pp. 787—815. DOI:10.1080/07418825.2018.1462396
6. Pisou D., Zick A., Srowig F., Roth V., Seewald K. Factors of Individual Radicalization into Extremism, Violence and Terror — the German Contribution in a Context. *International Journal of Conflict and Violence*, 2020. Vol. 14, no. 2, pp. 1—12. DOI:10.4119/ijcv-3803
7. Ferguson N., McCauley J.W. Dedicated to the cause: Identity development and violent extremism. *European Psychologist*, 2021, no. 26(1), pp. 6—14. DOI:10.1027/1016-9040/a000414
8. Furnham A., Horne G., Grover S. Correlates of the Militant Extremist Mindset. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11, article ID 2250, 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.02250
9. Harpviken A.N. Psychological Vulnerabilities and Extremism Among Western Youth: A Literature Review [Elektronnyi resurs]. *Adolescent Research Review*, 2020, no. 5, pp. 1—26. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40894-019-00108-y> (Accessed 17.02.2022).
10. Haugstvedt H. Research Note: 'How Can I Get Them Offstage?' — Critical Reflections on a Researcher's Approach to Qualitative Data Collection with Social Workers Involved in Preventing Violent Extremism in Norway [Elektronnyi resurs]. *Journal for Deradicalization*, 2020, no. 23, pp. 214—234. URL: <https://uis.brage.unit.no/uis-xmlui/handle/11250/2729301> (Accessed 17.02.2022).
11. Stickings J., Abaida M., Nikolaishvili M., Bakrania S., Fisher A. Identifying Groups Vulnerable to Violent Extremism and Reducing Risks of Radicalisation [Elektronnyi resurs]. London: Department for International Development, 2019,

- 56 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5d7f5b7c40f0b61c7cd6ffe9/VE_REA_Identifying_and_intervening_with_at_risk_groups_Sept_2019_FINAL_with_Annex.pdf (Accessed 18.02.2022).
12. Trip S., Marian M.I., Halmajan A., Drugas M.I., Bora C.H., Roseanu G. Irrational Beliefs and Personality Traits as Psychological Mechanisms Underlying the Adolescents' Extremist Mind-Set. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10. Article 1184. 12 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01184
13. Khalil J. A Guide to Interviewing Terrorists and Violent Extremists. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2019. Vol. 42, no. 4, pp. 429—443. DOI:10.1080/1057610X.2017.1385182
14. Kunst J.R., Obaidi M. Understanding violent extremism in the 21st century: the (re)emerging role of relative deprivation. *Current Opinion in Psychology*, 2020. Vol. 35, pp. 55—59. DOI:10.1016/j.copsyc.2020.03.010
15. McCauley C. Predictors of Activism and Radicalism: past activism, past radicalism and grievance against the government [Elektronnyi resurs]. Charlottesville: Center for Open Science, 2015. 429 p. URL: <https://archive.org/details/osf-registrations-xnh73-v1> (Accessed 18.02.2022).
16. Moskalenko S., McCauley C. Measuring Political Mobilization: The Distinction Between Activism and Radicalism. *Terrorism and Political Violence*, 2009. Vol. 21, no. 2, pp. 239—260. DOI:10.1080/09546550902765508
17. Nivette A., Eisner M., Ribeaud D. Developmental Predictors of Violent Extremist Attitudes: A Test of General Strain Theory. *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 2017. Vol. 54, no. 6, pp. 755—790. DOI:10.1177/0022427817699035
18. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. An Examination of the Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): A Structured Formulation Tool for Extremist Offenders. *Terrorism and Political Violence*, 2019. Vol. 33, no. 6, pp. 1141—1159. DOI:10.1080/09546553.2019.1598392
19. Powis B., Randhawa-Horne K., Bishopp D. The Structural Properties of the Extremism Risk Guidelines (ERG22+): a structured formulation tool for extremist offenders [Elektronnyi resurs]. Ministry of Justice Analytical Series, 2019, 17 p. (Ministry of Justice Analytical Series). *GOV.UK*. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/816507/the-structural-properties-of-the-extremism-risk-guidelines-ERG22.pdf (Accessed 18.02.2022).
20. Trip S., Bora C.H., Marian M., Halmajan A., Drugas M.I. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10, article ID 437. 8 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00437
21. Saunders B., Ngo J. The Right-Wing Authoritarianism Scale. In Zeigler-Hill V., Shackelford T.K. (eds.), *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Berlin: Springer International Publishing, 2017, pp. 1—4. DOI:10.1007/978-3-319-28099-8_1262-1
22. Scarcella A., Page R., Furtado V. Terrorism, Radicalisation, Extremism, Authoritarianism and Fundamentalism: A Systematic Review of the Quality and Psychometric Properties of Assessments. *Plos One*, 2016. Vol. 11, no. 12, article ID e0166947, 19 p. DOI:10.1371/journal.pone.0166947
23. Smith L.G.E., Blackwood L., Thomas E.F. The Need to Refocus on the Group as the Site of Radicalization. *Perspectives on Psychological Science*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 327—352. DOI:10.1177/1745691619885870
24. Stankov L., Saucier G., Knezevic G. Militant Extremist MindSet: Proviolence, Vile World, and Divine Power. *Psychological assessment*, 2010. Vol. 22, no. 1, pp. 70—86. DOI:10.1037/a0016925
25. The biological roots of political extremism / J.R. Keene, H. Shoenberger, C.K. Berke, P.D. Bolls. *Politics and the Life Sciences*, 2017. Vol. 36, no. 2, pp. 37—48. DOI:10.1017/pls.2017.16
26. Vergani M., Iqbal M., Ibbahar E., Barton G. The Three Ps of Radicalization: Push, Pull and Personal. A Systematic Scoping Review of the Scientific Evidence about Radicalization Into Violent Extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2020, Vol. 43, no. 10, pp. 1—10. DOI:10.1080/1057610X.2018.1505686
27. Kruglanski A.W., Jasko K., Chernikova M., Dugas M., Webber D. To the fringe and back: Violent extremism and the psychology of deviance [Elektronnyi resurs]. *American Psychologist*, 2017, Vol. 72, no. 3, pp. 217—230. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315175867-9/fringe-back-arie-kruglanski-katarzyna-jasko-marina-chernikova-michelle-dugas-david-webber> (Accessed 18.02.2022).
28. Van de Weert A., Eijkman Q.A.M. Subjectivity in detection of radicalisation and violent extremism: a youth worker's perspective. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2019, Vol. 11, no. 3, pp. 191—214. DOI:10.1080/19434472.2018.1457069

Информация об авторах

Эльзесер Анастасия Сергеевна, преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Капустина Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>, e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Жданова Дарья Евгеньевна, студентка 3-го курса факультета общественного здоровья, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>, e-mail: melissa2000@bk.ru

Кадыров Руслан Васитович, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин, Тихоокеанский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО «ТГМУ Минздрава России»), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>, e-mail: rusl-kad@yandex.ru

Information about the authors

Anastasiya S. Elzesser, Lecturer at the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3833-0502>, e-mail: der_falter@mail.ru

Tatyana V. Kapustina, PhD in Psychology, Lecturer at the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>, e-mail: 12_archetypesplus@mail.ru

Darya E. Zhdanova, 3rd year student of the Faculty of Public Health, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1173-0124>, e-mail: melissa2000@bk.ru

Ruslan V. Kadyrov, PhD in Psychology, Associate professor, Head of the Department of General Psychological Disciplines, Pacific State Medical University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>, e-mail: rusl-kad@yandex.ru

Получена 09.02.2021

Принята в печать 15.07.2021

Received 09.02.2021

Accepted 15.07.2021